

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 005.336.4:002.2(470) + 82(09)

О. Е. Кошелева

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ XVII в. И УЧЕБНЫЕ ТРУДЫ ПРОХОРА КОЛОМНЯТИНА*

Статья посвящена анализу процесса формирования интеллектуальной элиты в России, истоки которого отнесены к середине XVII в. и связаны с приходом в культуру эпохи барокко. Приверженцы барокко появились прежде всего среди монашества, в котором выделилась небольшая группа книжников-силлабиков. В статье рассмотрено творчество одного из таких книжников, Прохора Коломнятина, на основе анализа его сборника под названием «Школьные азбуковники».

К л ю ч е в ы е с л о в а: история России; книжная культура; интеллектуальная элита; история литературы.

«Интеллектуальная элита» — понятие, не существовавшее в русском Средневековье. Для определения элитарного положения в обществе оперировали понятиями «высокий чин» и «честь». В их основе лежали факторы, связанные с родовитостью и социально-должностным положением в государстве и церкви. Поэтому одна из элитарных групп была «вельможной» и «родовитой», другая — «духовной» и «благочестивой». В последнюю входили святые подвижники (Сергий Радонежский, Стефан Пермский, Нил Сорский, Максим Грек, Димитрий Ростовский и мн. др.), которых часто именовали «Учителями». Их ученость представлялась малозначимой по сравнению с их праведностью и благочестием. Вот что писал по поводу «внешней» и «внутренней» учености святитель Димитрий Ростовский (1651–1709): «Сугуб (т. е. двойственен. — О. К.) есть человек: внешний и внутренний, плотян (из плоти. — О. К.) и духовен. Внешний, плотяный, видимый есть, внутренний же — духовный, невидимый... внутренний от многих членов составляется: умом, вниманием себе, страхом Господним и благодатию Божиею в совершенство приходит. Внешнего человека дела яве бывают, внутреннего человека неведома суть... Сугубое и обучение есть: внешнее и внутреннее. Внешнее в книгах, внутреннее — в богomyшлении.

* Работа поддержана грантом РГНФ 13-06-00149а.

Внешнее — в любомудрии (т. е. в философии. — О. К.), внутреннее — в боголюбии. Внешнее в витийствованиях, внутреннее — в молитвах. Внешнее — в остроумии, внутреннее — в теплоте духа. Внешнее — в художествах (т. е. в искусстве, в ремеслах. — О. К.), внутреннее — в помышлениях. Внешний разум кичит, внутренний же — смиряется. Внешний любопытствует, хотя ведати вся, внутренний же себе внимает и ничтоже ино желает ведати, кроме Бога» [БАН, собр. Колобова, д. 218, л. 35 об.—36 об.]. «Внутренняя» «духовная» сторона природы человека противопоставляется «внешней» и не в пользу последней.

Интеллектуальная элита не имела возможности формироваться до тех пор, пока в обществе не стал высоко цениться сам интеллект. Но до поры до времени «интеллектуальность» подавлялась «духовностью». Образ «интеллектуала», сидящего у себя в домашнем кабинете, заставленном книгами и раритетами, и читающего Вольтера в оригинале, появляется, пожалуй, лишь к середине XVIII в. Процесс становления интеллектуальной элиты в России шел очень медленно, и его истоки, на мой взгляд, в России берут начало в XVII в., с приходом в культуру эпохи барокко [Развитие барокко...; Человек в культуре...]. Оно воплотилось в новые литературные жанры: силлабические вирши, орации, пьесы, панегирики, эпистолии, эпитафии, проповеди, виршевые послания. Появились авторы, овладевшие техникой создания подобных текстов¹, и лица, желавшие его овладеть. Но помимо техники для сочинительства нужны были разнообразные знания, причастность к мудрости и даже к философии. Для сочинения посланий нужна была риторика, для вирш — поэтика. Исторические знания были необходимы для метода доказательств: силлабики основывали его на выстраивании ряда исторических примеров [Панченко, с. 185].

Приверженцы барокко появились прежде всего среди монашества, в котором выделилась небольшая группа книжников-силлабиков [Там же, с. 150–160; Киселева, с. 71–98]. Увлечение стихотворством и западными сочинениями (в основном киевскими и польскими) распространилось и среди верхушки московских приказных людей. «В московском культурном контексте последней четверти XVII в.», — писал А. М. Панченко, — «чувство исключительной непогрешимости» (силлабиков-«всезнаек». — О. К.) оборачивалось концепцией гуманитарного элитаризма, естественно сопряженной с пренебрежением к неученым «простецам» [Панченко, с. 185].

Именно в это время трудился на ниве православного просвещения и мой герой, внося свою лепту в создание «нового языка культуры» (об «элитах» как производителях культурных языков, которые адаптирует для себя народная или массовая культура, см.: [Де Серто, с. 41–42]). Он был фигурой малоизвестной по сравнению с корифеями литературы XVII в. (хотя — кто знает...). Сегодня его имя — Прохор Коломнятин — прочно забыто. Оно даже не вошло в самый авторитетный компендиум древнерусских авторов — «Словарь древнерусской

¹ Например, Симеон Полоцкий, Карион Истомин, Сильвестр Медведев, Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Игнатий Римский Корсаков, Афанасий Холмогорский, Димитрий Ростовский Николай Спафарий, справщик Савватей, Мордарий Хоников, Диомид Серков, и мн. др.

книжности и книжников». Вернув его сочинения из забвения, мы получим шанс увидеть, как формировались «интеллектуализм» и «элитарность» в XVII в.

Сам Прохор, видимо, относил себя к интеллектуальной элите своего времени и, соответственно, — занимался просветительским сочинительством. В 1680-е гг. им было составлено два объемных рукописных сборника [о них см.: Мордовцев; Петров; Буш]. Все биографические данные о Прохоре реконструируются именно из них. Прозвище «Коломятин» говорит само за себя — он был родом из г. Коломны. Работать над сборником «Школьных азбуковников» Прохор начал в правление царя Федора Алексеевича в монашеской пустыни Марчуги [Петров, с. 98], принадлежавшей Соловецкой обители и расположенной на берегу Москвы-реки (ныне — с. Фаустово). Он был монахом в сане священника («черный поп»). В 1670–1680-е гг. в Марчугах строились большие каменные храмы, и Прохор не мог не быть этому свидетелем, а возможно, и участником. Из Марчуг он перебрался (неизвестно, по своей воле или нет) на Волгу, в костромской Ипатьевский монастырь, где и завершил работу над сборником в 1682 г. Несколько раз акцентированная в текстах сборника тема человека, находящегося в ссылке, косвенно свидетельствует о том, что Прохор не имел там полной свободы. В 1684/85 г. он уже называл себя «иеромонахом» и составлял второй сборник для келаря Феодосия, посвященный сочинению посланий в виршах [Кошелева, 2011]. Более о судьбе Прохора ничего не известно.

Оба сборника Прохор составлял и писал по просьбе своих знакомых. Здесь я остановлюсь только на его первом сборнике под условным названием «Школьные азбуковники» (поскольку самоназвания сборник не имеет). Он появился в результате «Послания просительного», которое написал виршами «детский учитель» Диомид Яковлев сын Серков [Семячко, 2003; 2013]. Он просил Прохора передать свой «благой разум» тем, кто хочет учиться в школах, и написать для них «школьное благочиние» (т. е. про школьные порядки), о котором он ранее рассказывал устно [Демин]. «Послание» дает возможность предположить, что когда-то участники переписки тесно общались, обсуждая что-то, связанное со школьным делом. Оказавшись в разлуке, «просители» захотели получить письменный текст от Прохора, очевидно, наиболее взрослого и эрудированного среди этих людей. Прохор написал Диомиду в ответном послании, что его просьбу он выполнил [Демин]. Более того, он ее перевыполнил: помимо сочиненного им диалога в виршах «Школьное благочиние», Прохор включил в сборник еще множество материалов, которые посчитал нужными для работы учителя. Состав сборника сложен и многообразен: это небольшие стихотворные и прозаические произведения, на первый взгляд (но не на второй!), собранные хаотично. В них перемешаны и руководства для учителей, и наставления для учеников, старост, родителей. Один из исследователей сборника в растерянности отметил, что эти тексты являются памятниками, «...которым мы не можем указать определенно-го места» [Буш, с. 32]. Однако у Прохора была своя четкая логика построения текста — логика «алфавитная»: каждый новый текст начинается с особо выделенных цветом букв, идущих в алфавитном порядке (поэтому названия всех 7 разделов сборника начинаются со слов «азбуковник (такой-то)». Такой прием

издавна применялся в учебных азбучных текстах [Ковалева] и стал чрезвычайно популярен в барочных виршах XVII в. [Киселева, с. 112–126].

В трудах Прохора за образом типичного русского книжника — собирателя душеполезных текстов [Грицевская] — начинает проглядывать сочинитель-интеллектуал. Работа над сборником отражает его большую начитанность — он использовал множество разных произведений, был знаком с некоторыми московскими, киевскими и зарубежными печатными книгами. В «Школьных азбучовниках» Прохор не в силах скрыть желания проявить свое авторское «я». Для древнерусской традиции самостоятельное сочинительство и объявление своего авторства было делом исключительным (оно обычно оправдывалось велением свыше) и барочные творцы с трудом преодолевали эту традицию.

В написанный им диалог «Школьное благочиние», помимо обычно беседующих Учителя и Ученика, Прохор ввел такое нетрадиционное «третье лицо» как «Слагатель», т. е. автор. Этим Прохор давал понять читателю, что данный текст — не копия, перевод или компиляция, он — авторский. Имя же автора читателю предлагалось разгадать. Для этого Слагатель настойчиво давал ему указания: «Зде слагатель имя свое являет», «Вышепомянутом убо словеси: слагателево имя, чин же и отечество совершился: зде его же ради писася: и о ведомости и чине ведомость положиися» (л. 22). «В первой строке слогателево имя совершился, во второй началное слово отечеству положиися» [РГАДА, ф. 357, д. 60, л. 11, 22]. «Любознательность напряжена до крайности, — писал по этому поводу исследователь текста В. В. Буш, — но, признаемся, нам не по силам разрешить эту шараду» [Буш, с. 26]. Прохор сделал свою литературную игру столь сложной, что расшифровать его «шарады» удалось только через века. Да и сейчас нет уверенности, что расшифрованы они все. В конце XIX в. одну из записей разгадал А. П. Петров [Петров, с. 98], а в 1976 г. полное имя Слагателя сумел раскрыть А. С. Демин [Демин, с. 48]². По «граням» речей «Слагателя» он прочел такой акrostих: «Творение черного попа Прохора Коломнятина, сие написав, послал до детского учителя Диомида Яковлева с товарищи». Прохор, как стало теперь очевидно, ввел в «Школьное благочиние» речи Слагателя не для высказывания своей авторской позиции, а для изощренного способа написать акrostих.

Рассказ обо всех хитростях, с помощью которых зашифровывались акrostихом тексты, уведет в сторону от темы данной статьи. Однако приведу один пример, а именно — ответное послание Прохора Диомиду (прописными буквами слева акrostих вынесен мною для более легкого его восприятия читателем). На первый взгляд, это достаточно абсурдный текст:

Первоустраником послание твое буди приятно,
во нем же писано — со усердием внято.
Готовый за посещение твое Бога молю,
благоразумием твоим велми ся хвалю.
В танцы и на клиросе будущего ведати благоволиши,
благоразумно чест святыню си и внятно зде узриши.

² По списку РНБ. Ф. XIV. 73.

Ту искомое, от него же, и ему же, и о нем же писася, обрящещи,
 и в краегранесии якожде выше, тожде и zde, усящещи.
 ПРО Простираю руку сипавый третий, о дружe благий,
 ШЕ шествую к тебе грозный второй, нравом драгий;
 НИ Ничтоже препинает и пятому гласному,
 Е еже по господе Бозе житию согласному;
 ТВОЕ Твое благоденствие вторым натужным здраво буди,
 В вторым же громным подобнее и возразителным окончалным
 многолетен пребуди.
 СЕ Се тобою желаемое о школе изобразуется,
 И и хотящим учитеся буквам о благоискустве пишется.
 СПОЛ С полным ума намерением приходящаго в школу прияти,
 НЕВ не всем, но единому, коему велит приветное слово воздати.

Ответ начинается с положительной оценки «Послания» Диомида, далее говорится, что просимое он получит. Фраза «и в краегранесии якожде...» дает ключ к разгадке послания. В переводе на современный язык она читается так: «Краегранесие, такое же, как было выше (т. е. в “Послании просительном”) и здесь увидишь». Иначе говоря, послания имеют «второе дно», в них «спрятаны» тексты, не видные на первый взгляд. Потому-то и была введена фраза, говорившая, что тайный текст Диомида был прочитан и для него такой же ответ приготовлен. В нем читаем: «Про/ше/ние/ твое/ в/се/ и/ спол/ нев/» (см. стих выше). Но это далеко не все. В этой же части Прохор зашифровал свое имя способом, который мог понять только тот, кто изучал имеющуюся у него самого «Грамматику». Эта оригинальная «Грамматика» помещена среди множества разнообразных текстов сборника «Школьных азбуковников». Если Диомид сам был учеником Прохора, то, очевидно, что он знал именно эту «Грамматику». В противном случае расшифровать написанное Прохором Диомиду было вряд ли под силу. Речь шла о фонетической классификации согласных звуков славянского языка, которые в разных грамматиках назывались по-разному. В «Грамматике» у Прохора она такова: «грубы» — б, в, з, д; «шепетливы» — ж, ч, ш; «сипавы» — с, з, н, с и т. д. Отсюда происходит поиск нужной буквы: «сипавый третий» — н; «громный второй» — р; пятый гласный — о; и т. д. В результате читается имя «Прохоръ» [Демин, с. 48].

Если эти «указания» на «Грамматику» изъять из текста послания, то строки сомкнутся и станут понятны:

Простираю руку, о дружe благий,
 шествую к тебе, нравом драгий,
 Ничтоже препинает,
 еже по господе Бозе житию согласному.
 Твое благоденствие здраво буди,
 подобнее и многолетен пребуди... (и т. д.)

В этом послании можно прояснить еще одно слово. В его первой строке говорится: «Первостранником послание твое буди приятно». Кто такой — этот

«первостранник»? Объяснение находится в «Толковании имен по алфавиту», которое имеется здесь же, в сборнике: имя «Прохор» означает «первостранника, первошественника, або спевака, або клиросника» [РГАДА, ф. 357, д. 60, л. 138 об.–139] (т. е. «идущего впереди хора», «запевалу»). Не только в Послании, но и во многих других местах рукописи Прохор именовал себя Первостранником, «идушим впереди».

Что все это, как не интеллектуальная игра культурной элиты, умеющей манипулировать текстами? Прохор, безусловно, ценил не только благочестие, о котором много сказано в его «Азбуковниках», но и творческую деятельность, которую видел в том числе и в сочинении акростихов. Вот его весьма показательное двустишие:

Акростикиды, гречески именую, помале в(е)селят,
А творчестии разумы несытне души сладят

[цит по: Петров, с. 81]

Что означает:

Акростихи, говоря по-гречески, развлекают,
А творческий разум ненасытные души улаждает.

Вполне придерживаясь традиций, Прохор и многие другие книжники XVII в. уже по-новому осмыслили свою роль в обществе, завоевывая в нем авторитет не только духовностью, но и интеллектом, направленным на особое функционирование в обществе. Прохор стремился тиражировать свои произведения в рукописных копиях (сейчас известно 9 списков «Школьных азбуковников»), хотел сделать известным свое авторство, мог исполнить заказ интеллектуального свойства. Заказчики трудов Прохора, видимо, обращались к нему не столько как к знатоку школьного дела, сколько — как к поэту, желая получить стихотворное произведение для школьного употребления. Важно то, что Прохор писал «Азбуковники» по просьбе «школьного учителя» и здесь впервые в русской литературе этот учитель — прямой адресат собранных в сборнике текстов. При этом конкретный адресат — Диомид — являлся не профессиональным учителем, а книжным писцом. Эта дополнительная деятельность была типична для писцов, а настоящих профессиональных школьных учителей как социальной группы к этому времени в России еще не существовало.

В Великороссии не имелось школ наподобие белорусских и украинских братских училищ, и обучение чтению и письму проходило частным образом, путем так называемого «учительства» [Безрогов]. Учителями становились люди, имевшие малые доходы от своей основной профессии и пользовавшиеся знанием грамоты для прокормления. Считалось, что каждый грамотный человек мог обучить ей другого. Иначе говоря, процесс обучения проходил без школ, его осуществляло общество своими силами и для своих собственных нужд. Соответственно, учительское самосознание, идентификация себя с интеллектуальной элитой у этих людей отсутствовали. Какой-нибудь твердящий азбуку с детьми

пономарь никогда не равнял себя с учителем — духовным наставником, он был всего лишь «мастером грамоты» [Кошелева, 2004].

Тексты Прохора не отражали, а впервые в русской книжности формировали учительское самосознание, высоко вознося роль и значение простого учителя. Именно с такого самосознания начинается консолидация социальной группы, которая в исторической перспективе призвана превратиться в культурную элиту.

В «Школьном благочинии» текст на букву «У» Прохор полностью посвятил Учителю. В нем, как мне представляется, он резюмировал и зарифмовал особо близкие ему мысли об учительстве. В других текстах «Азбуковников» учителю также даются автором практические советы и духовные наставления, от имени учителя написаны многие речи, обращенные к ученикам. Он показан в конкретной практике обучения и воспитания [Кошелева, 2013, с. 661–674]. Но особенно выделяется своим панегирическим пафосом текст, обращенный к учителю от имени Мудрости (публикацию этого текста с переводом на современный русский язык, по которому и цитирую его здесь, см. [Там же, с. 675–682]). Он начинается со сравнения учителя с пастырем. Метафора учителя-пастыря, охраняющего овец и возвращающего в свое стадо заблудших, безусловно, имеет прямые аналогии с образом Христа-пастыря. Однако речь идет об обычных пастухах, которые радуют о своих овцах (тварях бессловесных), во сколько же крат бóльшая забота ложится на учителя, который несет ответственность за «тварей словесных»!

Обозначив высочайшую ответственность учителя перед Богом как оберегателя душ учеников, автор дает ему практические советы. Во-первых, учитель обязан «блюсти себя», т. е. вести себя безукоризненно. Во-вторых, учитель должен наставлять учеников словесно и внушать им страх к своей персоне («да страшиться они будут имени твоего»). Он должен иметь «лучших и искусных учеников» или «приставов», которые могут наставлять учеников в отсутствие учителя. Ученики должны быть под постоянным надзором пастыря и его помощников, днем и ночью, потому что Дьявол любит «всякой скверной помрачать» молодые и некрепкие умы.

От метафоры учителя-пастыря автор переходит к образу учителя-наседки («кокоши»), собирающей цыплят под крыло. Если наседка греет птенцов крыльями, то учитель словами своими разогревает сердца учеников, воспламеняя любовь к Богу. Как птенцам дают сначала понемногу легкой пищи, а потом переводят на твердую, так и учитель начинающим должен «давать понемногу нечто в стихах». Под твердой же пищей имеется в виду Слово Божие (т. е. Священное писание) и его «сподобил нас господь Бог через учительское учение употреблять».

Далее следует метафора учителя-кузнеца, который, однако, намного превосходит обычного кузнеца. Ведь кузнецу приносят негодные металлические предметы и просят их перековать. К учителю же приводят «непотребного отрока», «ты его как благопотребного хорошо прими, и как искусный кузнец, перекуй его наново».

В заключение текста учитель представлен как держатель «ключа разумения» («Ключ разумения взял ты, учитель: что же им творить ты должен?»). Им учитель

должен отмыкать души грубых и нерадивых учеников, и выводить их из тьмы невежества на свет истинного познания. «Ключ» — это также учительское слово. «Ключ разумения» оказывается и ключом от «царствия небесного».

Мудрость наставляет учителя: внимательно слушай и смотри, заботься об учении, не только словами, но ранами и побоями наставляй, а также и своими делами показывай ученикам пример. Иначе говоря, слова (наставления), побои (устрашения) и образцовые поступки — вот основной арсенал учителя.

Он должен часто читать вслух детям «полезные писания», подбирая их содержание к определенным ситуациям в жизни учеников: «когда о мудрости, поощряя их мысли к настоящему учению, когда же к наставлению их о всяком в школе благоискусстве, и об уважении к родителям и учителю». Наставляй их в чистоте душевной и телесной, и в подтверждение приводи примеры и рассказывай о тех, кто с детства такую чистоту имел». Иногда учителю стоит и похвалить учеников за их «люботрудное учение». Не должен учитель забывать и об отдыхе в воскресные и праздничные дни.

Итак, пример рядового монаха Прохора показывает, что он был эрудит, поэт, наставник и творческая личность. Это осознавалось им самим и ценилось в кругу его интеллектуальных знакомцев, просивших Прохора о создании новых текстов. Интерес Прохора к школьным проблемам, к деятельности учителя, видимо, следует рассматривать в контексте полемики о путях развития образования, разгоревшейся в Москве именно в 80-е гг. XVII в. [Фонкич, с. 235–237], которая завершилась основанием Славяно-греко-латинской академии. Вероятно, Прохор и сам занимался учительской практикой и писал о ней не понаслышке. Учитель для него — не только наставник с глубокой «внутренней» стороной личности, но и с развитой схоластическими науками «внешней» ее стороной. Обе эти стороны стали обязательными для учителя, у Прохора, как и у других авторов-силлабиков, они сомкнулись и перестали противоречить друг другу.

Представляется, что именно в такой среде учительствовавших монахов-интеллектуалов, не только близких к правящей элите, но и простых насельников, стало формироваться новое представление о православном образовании, о его расширенном содержании и о роли учителя. Здесь можно сделать очень осторожное сравнение с теми процессами, которые происходили в средневековых монастырях Западной Европы и породили университеты. Если в России второй половины XVII в. и возник подобный процесс, то он возник слишком поздно. Ему не суждено было продолжиться в связи с начавшимися вскоре петровскими реформами, прекратившими свободную деятельность монастырей и монашества, с приходом западных образцов интеллектуальной элиты.

БАН. Собр. Колобова. Д. 218. [BAN. Sobr. Kolobova. D. 218.]

Безрогов В. Г. Учитель и ученик в истории педагогики // Учитель и ученик: Становление intersub'ektnykh otnoshenij v istorii pedagogiki Vostoka i Zapada (civilizacii Drevnosti i Srednevekov'ja). М., 2013. С. 683–707. [Bezrogov V. G. Uchitel' i uchenik v istorii pedagogiki // Uchitel' i uchenik: Stanovlenie intersub'ektnykh otnoshenij v istorii pedagogiki Vostoka i Zapada (civilizacii Drevnosti i Srednevekov'ja). М., 2013. S. 683–707.]

Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания. К истории древнерусской письменности и культуры. Пг., 1918. [Bush V. V. Pamjatniki starinnogo russkogo vospitanija. K istorii drevnerusskoj pis'mennosti i kul'tury. Pg., 1918.]

Грицевская И. М. Чтение и четьи сборники в древнерусских монастырях XV–XVII вв. СПб., 2012. [Gricevskaja I. M. Chtenie i chet'i sborniki v drevnerusskih monastyryjah XV–XVII vv. SPb., 2012.]

Демин А. С. Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве. Опыт типологии с XI по сер. XVIII в. От Иллариона до Ломоносова. М., 2003. С. 433–439. [Demin A. S. Dialog «Shkol'noe blagochinie» Prohora Kolomnjatina // Demin A. S. O drevnerusskom literaturnom tvorcestve. Opyt tipologii s XI po ser. XVIII v. Ot Illariona do Lomonosova. M., 2003. S. 433–439.]

Киселева М. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: От древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011. [Kiseleva M. Intellekтуал'nyj vybor Rossii vtoroj poloviny XVII — nachala XVIII veka: Ot drevnerusskoj knizhnosti k evropejskoj uchenosti. M., 2011.]

Ковалева Т. В. Русская акростихидная азбука и ее роль в развитии поэзии для детей // Филол. науки. 2004. № 2. [Kovaleva T. V. Russkaja akrostihidnaja azbuka i ee rol' v razvitii poezii dlja detej // Filol. nauki. 2004. № 2.]

Кошелева О. Е. Учитель и учительство в православной педагогике // Вестник УРАО. 2004. № 2. С. 115–135. [Kosheleva O. E. Uchitel' i uchitel'stvo v pravoslavnoj pedagogike // Vestnik URAO. 2004. № 2. S. 115–135.]

Кошелева О. Е. Как сочинять послания в виршах? «Уроки» Прохора Коломнятина (1680-е гг.) // Человек читающий: между реальностью и текстом источника : сб. ст. / под ред. О. И. Тогоевой. М., 2011. С. 283–316. [Kosheleva O. E. Kak sochinjat' poslanija v virshah? «Uroki» Prohora Kolomnjatina (1680-e gg.) // Chelovek chitajushhij: mezhdru real'nost'ju i tekstem istochnika : sb. st. / pod red. O. I. Togoevoj. M., 2011. S. 283–316.]

Кошелева О. Е. Учитель и ученик в Школьных азбуконниках // Учитель и ученик: Становление intersubъектных отношений в истории педагогики Востока и Запада (цивилизации Древности и Средневековья). М., 2013. С. 661–682. [Kosheleva O. E. Uchitel' i uchenik v Shkol'nyh azbukovnikah // Uchitel' i uchenik: Stanovlenie intersub"ektnyh otnoshenij v istorii pedagogiki Vostoka i Zapada (civilizacii Drevnosti i Srednevekov'ja). M., 2013. S. 661–682.]

Мордовцев Д. Л. О русских школьных книгах XVII века. М., 1862. [Mordovcev D. L. O russkikh shkol'nyh knigah XVII veka. M., 1862.]

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. М., 1973. [Panchenko A. M. Russkaja stihotvornaja kul'tura XVII veka. M., 1973.]

Петров А. Н. Об Афанасьевском сборнике XVII в. и заключающихся в нем азбуконниках // Памятники древней письменности, 120. Прил. 4. СПб., 1886. [Petrov A. N. Ob Afanas'evskom sbornike XVII v. i zakljuchajushhijhsja v nem azbukovnikah // Pamjatniki drevnej pis'mennosti, 120. Pril. 4. SPb., 1886.]

Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — нач. XVIII вв. М., 1989. [Razvitie barokko i zarozhdenie klassicizma v Rossii XVII — nach. XVIII vv. M., 1989.]

РГАДА. Ф. 357. Д. 60. [RGADA. F. 357. D. 60.]

РНБ. Ф. XIV. 73. [RNB. F. XIV. 73.]

Семячко С. А. Об автографе Диомиды Серкова и сборнике Крины сельные // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54. С. 613–622. [Semjachko S. A. Ob avtografe Diomida Serkova i sbornike Kriny sel'nye // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. SPb., 2003. T. 54. S. 613–622.]

Семячко С. А. Авторграф Диомиды Серкова в Библиотеке Академии Наук // Материалы и сообщения по фондам Рукописного отдела БАН. СПб., 2013. С. 433–439. [Semjachko S. A. Avtograf Diomida Serkova v Biblioteke Akademii Nauk // Materialy i soobshhenija po fondam Rukopisnogo otdela BAN. SPb., 2013. S. 433–439.]

Серто М. де. Изобретение повседневности. Кн. 1 : Искусство делать. СПб., 2013. [Serto M. de. Izobretenie povsednevnosti. Kn. 1 : Iskusstvo delat'. SPb., 2013.]

Человек в культуре русского барокко. М., 2007. [Chelovek v kul'ture russkogo barokko. M., 2007.]

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. [Fonkich B. L. Greko-slavjanskie shkoly v Moskve v XVII veke. M., 2009.]

Статья поступила в редакцию 23.09.2014 г.